

ІСТОРИЧНІ НАУКИ

УДК 27;929.

Водько В. И.,
магистр истории (Украина, Александрия),
vladislavvodko@mail.ru

Письмо Прокла Константинопольского к Домну Антиохийскому как исторический источник

Предпринята попытка исследовать эпистолярный текст эпохи поздней античности: письмо Прокла, патриарха Константинопольского (434–447), к Домну, патриарху Антиохийскому, как исторический источник. В работе использованы историко-генетический и сравнительный методы, а также метод просопографического анализа. Выявлен исторический контекст написания письма, проанализированы особенности отображения в нем характера отношений между центром и восточной окраиной империи в изучаемый период, исследован характер личных отношений между главами крупнейших церковных регионов, обозначена роль социально-политического, экономического и культурного факторов в спорах между ними. Особое внимание уделено анализу случая с Афанасием, епископом Перры, которому посвящена большая часть изучаемого письма.

Ключевые слова: Прокл, патриарх Константинопольский, Домн, патриарх Антиохийский, Афанасий епископ Перрский, Кирилл Александрийский, христианство, Восточная Римская империя, Вселенские соборы.

(статья друкується мовою оригіналу)

В пятом столетии нашей эры в острых богословских спорах продолжалось формирование христианского канона. К этому времени в основном уже сложилась организационная структура христианской церкви, представленная на Востоке Константинопольским, Александрийским и Антиохийским патриархатами. На более низком уровне церковной иерархии, однако, существовал ряд проблем, связанных с вопросами о границах административно-территориальных единиц и их субординации. Процесс становления церковной иерархии, активно протекавший в рассматриваемый период, получил свое логическое завершение значительно позже. Однако уже в V в. епископы обладали значительной властью не только в религиозной, но также в политической и экономической сферах. Нередкими были случаи, когда они выполняли представительские функции, отстаивая интересы своего региона перед императором [7].

Важнейшим фактором, влиявшим на формирования церковного канона, было противостояние Александрийской и Антиохийской богословских школ. Источники, отображающие означенное явление, – это преимущественно эпистолярные тексты. Они представляют собой малозученный комплекс документов по истории поздней античности. Данный тип текстов – и в этом, на наш взгляд, его большая ценность, – лучше других отображает характер контактов между видными представителями позднеримской эпохи. Переписка позволяет выявить особенности мировоззрения интеллектуалов, политических и религиозных деятелей Восточной Римской империи, а также обозначить некоторые важные реалии рассматриваемого периода. Объектом рассмотрения в данной работе является переписка между константинопольским патриархом

Проклом (434–447) и антиохийским патриархом Домном (444–450).

Как было отмечено выше, борьба между Александрийской и Антиохийской богословскими школами во многом определяла внутрицерковную обстановку. Это, однако, касалось не только церкви, но и вопросов государственной политики.

В период, предшествующий патриаршеству одного из ключевых фигур спора об Афанасии – Прокла, эта борьба вылилась в конфликт вокруг фигуры константинопольского патриарха Нестория, представителя Антиохийской школы, который был осужден на Третьем вселенском соборе 431 г. и сослан в Оазис недалеко от г. Фивы [13, с. 298]. Данная конфронтация усугубляла нестабильность в государстве, что вызывало беспокойство императорской власти. Для предотвращения дальнейшего развития конфликта император Феодосий II желал видеть на патриаршей кафедре фигуру, не имеющую прямого отношения ни к одной из противостоящих школ. После непродолжительного патриаршества престарелого Максимиана, избранного с учетом данного критерия, при поддержке императора на столичную кафедру был назначен Прокл [13, с. 303].

Этот священнослужитель прожил большую часть своей жизни в Константинополе и был хорошо знаком с политикой центральной власти. Прокл также отличался умением находить компромиссы в сложных церковных ситуациях. Именно ему принадлежит заслуга мирного возвращения «в лоно церкви» религиозного движения иоаннитов, появившегося в результате отделения от официальной церкви тех, кто счел невозможным оставаться там после осуждения и изгнания Иоанна Златоуста в 404 г. [13, с. 304].

Корреспондент Прокла, патриарх антиохийский Домн, гораздо менее значительная и, по-видимому, весьма заурядная фигура. Домн занял патриаршью кафедру Антиохии в 443 г. после смерти видного представителя восточного богословия Иоанна Антиохийского. Как известно из церковных источников, он не сумел вести успешную политику в условиях конфронтации богословских школ, в результате чего был смещен с должности на соборе в 450 г. [13, с. 304].

Следует отметить, что часть эпистолярного наследия Прокла была объектом рассмотрения в трудах историков позитивистской методологии: А. Тьери [14], Ф. Бауэра (Baueg Franz) [3], и В. В. Болотова [4]. Последний, в частности, справедливо оценил деятельность некоторых персоналий, фигурирующих в интересующем нас тексте. Среди современных исследований наследия Прокла отметим работу Николааса Констанаса (Constas Nicholas) [5], которая посвящена вкладу этого церковного деятеля в христианскую мариологию. Исследуемый нами текст, однако, в этом труде не рассматривается.

Письмо Прокла к Домну было написано, как нам представляется, в 443 или 444 г. Основанием для такой

датировки являются следующие соображения. Как явствует из самого заголовка текста: «Проклос Домνῷ ἐπισκοπῶ τῆς Αντιοχειας» [6], письмо не могло быть написано ранее получения Домном антиохийской кафедры, что случилось в 443 г.

Вместе с тем, существует ещё одно письмо к Домну, посвященное той же проблематике связанной с Афанасием Перрским. Его авторство принадлежит выдающемуся представителю Александрийской школы богословия – Кириллу Александрийскому [10, с. 122], который умер в 444 г. Следовательно, письмо не могло быть написано позже указанного года.

Нужно также обозначить определенные сложности с локализацией г. Перры (Περρῆ), в котором занимал епископскую кафедру упомянутый выше Афанасий. Заметим, что Проклу неизвестно расположение города. Это можно заключить из его рассуждения, посвященного вариантам решения проблемы в зависимости от географического положения города: «и если город, в котором совершилось это происшествие, отстоит далеко от великого города Антиохии...» [6, р. 881]. Кирилл в своем письме к Домну также обнаруживает незнание места расположения Перры «и если далеко от Антиохии этот город..., поручить кому-либо исследование своими грамотами, чтобы подвергшиеся обвинению, будучи вызваны, могли защищаться» [10, с. 123]. Локализация города весьма важна для целей данной работы, т.к. необходимо установить, к какой из существовавших тогда церковных сфер влияния он относился. Византийский географ Иерокл [15] в трактате «Синекдем» (Συνέκδημος), написанном около 535 г., дает полный перечень современных ему византийских городов. Город Перра, по Иероклу, находился в Евфратской епархии [15, р. 41], которая располагалась в районе среднего течения Евфрата, – той части, которая ближе всего подходит к Средиземному морю. Это север современной Сирии. Локализовать город Перру помогает и указание в ряде источников на подчинение Афанасия и Савиниана, епископов города Перры, Иерапольскому митрополиту [9, с. 135]. Согласно Иероклу, в этом же регионе находится Иераполь, который в историографии принято называть Иераполь Сирийский. В комментарии к изданию более поздних *Notitia Episcopatum*, Густави Партхей (*Gustavi Perthey*) указывает на то, что с 885 г. город Перру стали называть Сантон (Σαντων) [15, р. 86]. Привязать Перру (Сантон) к какому-либо современному географическому объекту не удалось.

Обратим внимание на то, что границы Евфратской епархии совпадали с границами римской провинции Евфратисия, расположенной в верховьях одноименной реки на её западном берегу. Данная провинция входила в диоцез Восток, в котором главным политическим и религиозным центром была Антиохия. Епископ этого города имел право вмешиваться в дела других епархий указанного диоцеза [11, с. 2].

Итак, около 443 г. Афанасий, сего на необоснованное, с его точки зрения, изгнание с занимаемой кафедры и предшествующие этому притеснения со стороны начальства, а также конфликт с клириками управляемой им церкви, обратился к Проклу Константинопольскому и Кириллу Александрийскому с просьбой о помощи. Патриархи на основании прошения низложенного перрского епископа, в свою очередь, направили послания

к антиохийскому епископу Домну, в ведении которого, как мы отмечали выше, находился проблемный округ.

Письмо Кирилла предшествовало тексту Прокла, о чем свидетельствует упоминание о нем в послании константинопольского патриарха. Текст александрийского богослова отличается большей лаконичностью, характер аргументации схож, однако заметно, что Кирилл был менее осведомлен в ситуации, чем Прокл. Его письмо носит более формальный характер. Интересно, что и Кирилл, и Прокл одной из главных проблем спора выделяют неповиновение клириков начальству. Можно допустить, что причиной данного неповиновения были, помимо прочего, некие личные качества Афанасия. Свидетельство о нелюбви жителей Перры к Афанасию содержится также в актах Халкидонского собора [2, с. 121]. Тем не менее, как Кирилл, так и Прокл в своих посланиях пытаются его оправдать. В ряде моментов их аргументация очень схожа. В частности, оба отстаивают тезис о необходимости подчинения клириков епископу. Хотя защищаемый ими Афанасий, обратившись к ним, тоже нарушил церковную субординацию, направив жалобы вместо патриарха Антиохийского, в юрисдикции которого формально находился к Александрийскому и Константинопольскому первоиерархам. В данном случае ярко проявляется двойственность и противоречивость позиции Прокла и Кирилла, складывается впечатление, что они вообще не допускают возможности правоты недовольных клириков перрской церкви. «Нам нужно оказывать участие к братьям, когда кто-либо из сослужителей уверяет, что терпит нечто, и притом от собственных клириков, которые должны преклонять главу пред ним, как пред отцом, и повиноваться, согласно воле Божией и предписаниям церковных канонов. Как не считать этой дерзости постыднейшею?» [10, с. 112] – восклицает Кирилл. Прокл же для того, чтобы проиллюстрировать эту мысль, использует образ Авесслома, сына царя Давида, восставшего против власти отца [6, р. 884]. Как известно библейский персонаж Авессалом, закончивший свою жизнь трагически, был символом непослушания. В его гибели, как автор книги Царств, так и современники Прокла видели «перст Божий».

Как было указано выше, Кирилл и Прокл вмешиваются в дела не подчиняющегося им церковного диоцеза. Поэтому они вынуждены объяснить это вмешательство. Им удается это сделать, апеллируя к свидетельству Афанасия о его конфликте с начальствующим Иерапольским митрополитом Иоанном. Данный конфликт делал невозможным справедливое разрешение ситуации только на местном уровне. Подчеркивая эту мысль, Кирилл пишет, что «нужно устранить от суда над ним тех, кого он подозревает».

После смерти Кирилла этот суд по делу Афанасия произошел на специально созванном соборе в Антиохии, ход которого будет рассмотрен ниже. Но здесь обратим внимание на то, что к последнему совету Кирилла не прислушались, что стало причиной отсутствия на соборе Афанасия.

Упомянутый выше конфликт епископа Афанасия с клиром г. Перры произошел, вероятно, на политической и экономической почве. Нам также кажется возможным влияние личного фактора, о чем будет сказано ниже. Прокл в связи с этим констатирует: «Он (Афанасий – В. В.) говорит, что некоторые из подчиненных ему клириков

были столько самовластны... что устранили его от священства и составили определение об его низложении; они хотят выгнать церковных экономов, или заведующих церковным имуществом, и поставить (других) сами» [6, р. 881]. Этот аспект конфликта, очевидно, был весьма важен для Афанасия, раз он решил особо упомянуть об этом перед патриархами.

Прокл указывает, что основным мотивом Афанасия была жалость к собственным клирикам, которые подобными поступками губят свою душу. Афанасий у Прокла «плакавал трагедию одновременно неверных и тех, кто в недостаточной мере слушал (наставления)» [6, р. 884]. К необходимости заботы о вверенной пастве Прокл также апеллирует, обращаясь к Домну. В начале письма Константинопольский патриарх вспоминает известную новозаветную аналогию церкви как тела Христова, сделанную апостолом Павлом: «Вы есть тело Христово и член из членов» (1 Кор. 12.27); в другом месте он цитирует продолжение аналогии тем же апостолом, подчеркивая необходимость вмешиваться в подобные ситуации: «Если страдает часть тела, страдает и все тело» (1 Кор. 12.27). Таким образом, Прокл призывает Домна повлиять на ситуацию, кроме того, ещё раз обосновывает собственное вмешательство в дела далекой от его юрисдикции церкви.

Можно предположить, что одной из причин такой ясной позиции Константинопольского патриарха по защите Афанасия мог быть похожий случай из биографии самого Прокла, когда он был назначен на кафедру в город Кизик, но местные жители его не приняли [13, с. 305]. Личность Прокла в данном случае, в отличие от ситуации с Афанасием, для местных жителей была не важна. Они хотели поставить своего местного, а не присланного из столицы епископа [13, с. 305].

Отношение к адресату у Кирилла и Прокла явно разнятся. Для того, чтобы убедить своего «сослужителя» Домна, Кириллу кажется достаточным написать о необходимости борьбы за послушание, что занимает два предложения текста. Остальное пространство текста наполнено столь же лаконичным описанием сути проблемы. Текст Кирилла носит скорее ультимативный характер. Кирилл настаивает на необходимости разобраться в ситуации. Прокл же не жалеет риторических приемов, он убеждает Домна, что тот, устроив необходимое разбирательство, сделает очень важный христианский поступок, что он должен «быть готовым изгнать злой обычай, причиняющий вред общине священников и оскотворяющий (делающий бессильными) истинно знающих» [6, р. 882].

Интересно употребление довольно резкого причастия от глагола *εκτέμνω*, который имеет и в том числе и такие значения: «срубать, вырубать, оскотплять, кастрировать», что призвано усилить тезис. Кроме того, Прокл сглаживает естественно возникающее подозрение в политической подоплеке жалобы: «Да не подумает твое благочестие, что упомянутый боголюбивейший епископ обратился к нам для оскорбления престола великого города Антиохии» [6, р. 884]; при этом он подчеркивает, что Афанасий обратился: «не для обвинения, но для того, чтобы испросить себе честного посредничества» [6, р. 884]. Заканчивая письмо, Прокл говорит о своей вере в то, что из уважения к писавшим, Домн всячески поможет «подателю этих грамот» – Афанасию.

Домн под влиянием столь крупных церковных авторитетов того времени начал процесс церковных

разбирательств. В Антиохию были вызваны епископы Евфратийской епархии для подробного разбирательства. Однако значительная часть вызванных епископов прибыть не смогли. Ими были написаны грамоты, в которых давался свой взгляд на проблему. Данные тексты до нас не дошли. Мы знаем об их существовании только из актов Антиохийского собора [9, с. 132], который был призван разрешить сложившуюся ситуацию. Приглашенный на него Афанасий не прибыл туда по причине того, что от участия в нём не были отстранены его противники, в первую очередь Иоанн, митрополит Иерапольский. Заметим, что в актах Антиохийского собора нет упоминания о причинах того, почему Афанасий отказался явиться на собор, об этом мы узнаем только из документов позднейшего разбирательства на Халкидонском соборе [12, с. 136]. Все собравшиеся в Антиохии епископы, мнение которых записано, указали на то, что причиной осуждения Афанасия является неявка на суд. Участники антиохийского собора сочли, что Афанасий «сделал это по причине нечистой совести» [9, с. 130].

Другие пункты обвинения по разным причинам не были доказаны, однако интересны для анализа проблемы. Главным из них был факт неявки перрского епископа на суд митрополита Панолвия, который был назначен задолго до антиохийского собора и должен был разрешить ситуацию без привлечения такого количества компетентных, с точки зрения церковного права, лиц. Панолвий занимал Иерапольскую кафедру до враждебного к Афанасию Иоанна и был, по мнению собравшихся на собор епископов, благосклонно настроен по отношению к Афанасию. Участники собора заключили из этого, что совесть Афанасия была нечиста. Настоящая причина отказа от суда Панолвия нам остается неясной. В подтверждение информации об отказах Афанасия участвовать в антиохийском соборе, его участникам были предоставлены три отказные грамоты, подписанные Афанасием [9, с. 128]. Таким образом, он трижды отказался явиться на суд. Причиной отсутствия упоминания конфликта с Иоанном как причины того, что Афанасий не прибыл на собор, была заметная предвзятость некоторых ключевых участников собора.

Вполне возможно, что многим, если не большинству участников Антиохийского собора были неизвестны детали дела Афанасия и они подошли к нему несколько формально, о чем свидетельствует чрезмерная, с нашей точки зрения, однородность их заключений. Нельзя не заметить контраст между благосклонным отношением к Афанасию со стороны Кирилла и особенно Прокла и отрицательными откликами некоторых участников Антиохийского собора. Данный факт позволяет сделать следующее наблюдение. В контексте обозначенного выше противостояния между Александрией и Антиохией конфликт по поводу Афанасия был выгоден первой, поскольку обнаруживал внутренние противоречия, (а значит, некую слабость) сирийской столицы. Как было показано выше, Афанасий попытался использовать эту ситуацию в личных целях. Вероятно, в том числе и по этой причине собор был настроен несколько предвзято по отношению к Афанасию. Но если антиохийский собор сумел на некоторое время лишить его перрской кафедры, то в дальнейшем при содействии александрийского патриарха Диоскора (444–451) ему вернули утраченное епископство.

После своего низложения Афанасий «удалился из города и жил в самосатской деревне у себя в собственном поместье, а потом переселился в город Самосат» [9, с. 128]. Поскольку он владел поместьем, можно сделать предположение о его принадлежности к имущему социальному слою. Возможность приобретения поместья благодаря занимаемой должности нам кажется маловероятной. Заметим, что материальное положение епархий было очень разным. Как известно, важнейшими источниками доходов церкви в тот период, кроме пожертвований верующих, были прибыли от церковных земель и эргастериев [8, с. 20]. Однако, учитывая географическую отдаленность Перры от Самосата, мы можем заключить, что это поместье не могло быть получено им благодаря занимаемой должности, так как находилось довольно далеко от той местности его церковной юрисдикции. Кроме того, существовала практика передачи части пожертвований провинциальными церквями в церковно-административный центр, что усиливало различия в материальном плане между главными и периферийными епархиями не в пользу последних. Тем не менее, должность епископа периферийной епархии на местном уровне всё равно была важной в экономическом плане. Источники позволяют предположить наличие экономической подоплеки конфликта. В письме Прокла к Домну упоминается о том, что среди прочих несчастий Афанасий жаловался на церковных экономов Перры [6, р. 884]. В тогдашней церковной практике должность эконома действительно была предусмотрена для решения задач управления экономической деятельностью церкви, однако епископ также имел право выполнять эти функции [7]. Отсутствие четкого разграничений функций епископа и эконома в хозяйственной жизни общины давала почву для возникновения конфликтов между ними.

Кроме наличия упоминания о противостоянии Афанасием с экономами Перры в письме Прокла [6, р. 884], сохранилось свидетельство, высказанное на Антиохийском соборе неким епископом Феодором. Этот епископ, выполнявший там председательские функции, опрашивая свидетелей по делу Афанасия, задавал вопрос каждому из них: «Что ты знаешь касательно дела о серебряных колоннах (τοῖς στυλοῖς τοῖς ἀρῦεῖρας) если ты был в то время действительно вместе с почтеннейшим епископом Афанасием?» [1, р. 739].

Некто Филипп, иподьякон перрской Церкви, подал собору прошение по делу Афанасия. Как выяснилось в ходе разбирательства, текст прошения был известен и прибывшему на собор пресвитеру Фронтону, бывшему эконому города Перры. Данный документ до нас не дошел, и о его содержании мы можем говорить только на основании отзывов участников собора по поводу его содержания. Далее по вопросу о колоннах были спрошены епископы, некогда служившие с Афанасием в г. Перра: Феофил и Мара. К сожалению, далее в тексте актов Антиохийского собора, где должны были содержаться ответы означенных лиц, существует лакуна, которая, вероятнее всего была искусственно сделана из-за нежелания предавать огласке данную информацию. Заканчивается этот довольно невнятный по причине лакун пассаж с вопросами о серебряных колоннах фразой председательствующего епископа Феодора: «ужели то, что сказано, недостаточно наполнило соблазном слух всех?». Таким образом, подробности ситуации с

колонами нам остались неизвестны. Однако сведения актов дают некоторые основания полагать, что Афанасий был причастен к этому совершенно неизвестному нам по другим источникам делу. В ходе дальнейшего разбирательства на халкидонском соборе, о котором пойдет речь ниже, вопрос о серебряных колоннах не поднимался, однако, было упомянуто о неких возможных преступлениях, которые в ходе соборного разбирательства не были ни подтверждены, ни опровергнуты подлежали дальнейшему отдельному церковному разбирательству после собора [12, с. 136], материалы которого до нас не дошли.

Итак, на Антиохийском соборе Афанасий был низложен, но спустя какое-то время обратился к преемнику Кирилла – Александрийскому епископу Диоскору, который помог ему вернуть кафедру. Это было следующим, на этот раз ещё менее обоснованным, чем в аналогичном случае с Кириллом Александрийским, вмешательством в дела далекой от юрисдикции епископа, занимающего главную кафедру Египта, епархии. После, на Четвертом (Халкидонском) вселенском соборе, Диоскор был обвинен в евтихианстве, что позволило епископу Савиниану, назначенному на перрскую кафедру вместо Афанасия, стать истцом против своего конкурента. Интересен характер его апелляции, выявляющий некоторые дополнительные причины и особенности конфликта.

В первую очередь Савиниан указывает: «...весь город, обливаясь горькими слезами и рыдая, с прискорбием разлучался со мною и сетовал о насильственном моем низвержении» [12, с. 136]. Здесь видим довольно конкретное подтверждение плохих отношений Афанасия с широкими слоями верующих, упоминание о которых имело место уже в письме Прокла к Домну. Далее Савиниан констатирует: «Диоскор Александрийский по самовластию и жестокости изгнал меня из церкви перрской, порученной мне, согласно канонам, святейшим епископом и митрополитом нашим Стефаном» [2, с. 121]. В рамках тогдашних традиций управления Диоскор действительно не имел права так поступать. Перра была очень далеко от вверенного ему региона. В тоже время Домн Антиохийский не назначил преемника Афанасию, а сделал это, как и положено, местный епископ.

Во времена Халкидонского собора в 451 г. епископом Антиохии был Максим, которому и поручено было провести расследование об Афанасии в течение восьми месяцев. Предусматривалось, что если он будет ясно уличен «во всем, что возведено на него уголовным и гражданским порядком и внесено в документы... то пусть он не только будет лишен этого епископства, но и подвергнется общественным законам» [12, с. 137]. Если же нет, то Афанасий должен был продолжать занимать кафедру и в дальнейшем. Таким образом, конфликт приблизился к развязке. К сожалению, результаты данного расследования до нас не дошли, однако на основании сохранившегося материала можно сделать ряд заключений.

Итак, Прокл либо не хотел замечать, либо действительно не видел политической и экономической подоплеки конфликта, что вообще нередко проявлялось в его деятельности. Он предпочитал замазать конфликт во имя спокойствия в церкви, о котором сильно заботился правивший тогда император Феодосий Второй.

Представители Александрийской кафедры, в условиях борьбы с антиохийцами были гораздо более заинтересованы в данном конфликте. Методы, которыми Прокл был намерен достичь своей цели, не столь авторитарно, как Кирилл, а в особенности Диоскор. Он пытался убедить оппонента, а не просто навязать ему свое решение.

Реальное значение в судьбе Афанасия письма Прокла и Кирилла приобрели спустя много лет на Халкидонском соборе, когда они использовались для исследования процесса конфликта и принятия окончательного решения по данному делу. Тогда случай с Афанасием разбирался в контексте осуждения александрийского патриарха Диоскора, ранее вернувшего означенному Перрскому епископу кафедру. Складывается впечатление, что участники этого собора стремились дать делу логическое завершение, для чего они попытались использовать в рассмотрении значительное количество источников, среди которых оказалось и письмо Прокла.

Сам Афанасий видится нам довольно неоднозначной фигурой, решившейся на столь сложное предприятие, не имея при этом хорошей репутации, ни среди начальствующих кругов, ни среди подчиненных. Это что во многом предопределило значительные трудности в достижении им своей цели.

Анализ комплекса преимущественно актового материала по проблеме Афанасия Перского позволил установить низкий уровень осведомленности наиболее влиятельных паприархов того периода Прокла и Кирилла в религиозных реалиях диоцеза Восток, поэтому их эпистолярные тексты отображают скорее их представления о ситуации в регионе, а также характер взаимоотношений между крупнейшими церквями империи.

Вместе с тем, изученная документация отчетливо показывает, что представители периферийного духовенства, не игравшие роли в богословских спорах антиохийских и александрийских богословов, вполне могли использовать конфронтацию между школами в своих корыстных целях.

Представляется, что определяющую роль в судьбе перрского епископа Афанасия сыграли радикально изменившиеся обстоятельства противостояния школ. Действительно, в 50 – годы V в. в противовес получившей на третьем вселенском соборе 431 г. тактическую победу александрийской школе ведущее место заняли антиохийцы. Такое положение сложилось в результате осуждения на четвертом вселенском соборе 451 г. александрийского патриарха Диоскора. Именно от этого в первую очередь зависела судьба мелкого епископа Евфратийской епархии дицеза Восток.

Ситуация с Афанасием также показательна для анализа характера системы управления в христианской церкви. Для неё, несмотря на явное усиление прослойки епископов, по-прежнему остаются важными отношения с клиром. Пример Афанасия свидетельствует о довольно большой степени церковной автономии отдельно взятой епархии, что диктовало для епископа необходимость в значительной степени опираться на собственные силы.

Жалоба Афанасия Константинопольскому и Александрийскому первоиерархам в обход церковной субординации христианской церкви диоцеза Восток, очевидно, оказалась неприемлемой для представителей Антиохийской церкви, что и определило предвзятое к нему отношение в среде духовенства данного дицеза.

Список использованных источников

1. Antiochenum concilium // Sacrosanta consilia – Studio Philip Labbei et Gabr. Cossartii, MDCLXXI. – Т.4. – P.727–750.
2. Боголюбезнейшим и святым отцам архиепископам: Льву, Анатолию, Максиму и всему прочему святому собору прошение и мольба от епископа Савиниана // Деяния вселенских соборов [пер. с др. гр. Казанской Духовной Академии]. – Казань: Центральная типография, 1908. – Т.4. – С.121–122.
3. Bauer F. X. Proklos von Konstantinopel; ein Beitrag zur Kirchen- und Dogmengeschichte des 5. Jahrhunderts / F. X. Bauer. – Munich.: J. J. Lentnerschen Buchhandlung, 1919 – 124 p. – 112, p. 104.
4. Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Bolotov/lektcii-po-istorii-drevnej-tserkvi/28_3_1
5. Constan Nicholas. Proclus of Constantinople and the Cult of the Virgin in Late Antiquity Homilies 1–5, Texts and Translation / Constan N. – Cambridge: BRILL, 2003. – 250 p.
6. Επιστολή Π Αντιγραφον συνοδικου γραμματος Προκλος Δομνω επισκοπος της Αντιοχειας // Magna Patrologiae cursus completus, seriae Graeca. – Excudebatur et venit apud J.–P. Migne, editorem, in via dicta seu Petit – montrouge, nunc vero intra moenia Parisina. 1864. – Т.65. – P.881–884.
7. Мейендорф И. Единство империи и разделения христиан / Иоанн Мейендорф. – Режим доступа: http://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/edinstvo-imperii-i-razdelenija-hristian/2_1
8. Левченко М. В. Церковные имущества V–VI вв. в Восточной Римской империи / М. В. Левченко // Византийский Временник. – 1949. – Т.2 (27). – С.11–60.
9. Собор Антиохийский // Деяния Вселенских соборов [пер. с др. гр. Казанской Духовной Академии]. – Казань: Центральная типография, 1908. – Т.4. – С.124–135.
10. Список соборной грамоты Кирилла // Акты вселенских соборов [пер. с др. гр. Казанской Духовной Академии]. – Казань: Центральная типография, 1908. – Т.4. – С.122–123.
11. Правила святого вселенского собора, Константинопольского. – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/canons/0381cano.html>
12. Рассуждение Халкидонского собора по делу Савиниана и Афанасия // Деяния вселенских соборов [пер. с др. гр. Казанской Духовной Академии]. – Казань: Центральная типография, 1908. – Т.4. – С.135–137.
13. Сократ Схоластик Церковная история / Сократ Схоластик; [пер и ком. Кривушина И. В.]. – М.: Роспэн, 1996. – 367 с.
14. Тьери А. Несторий и Евтихий / Амадей Тьери [пер. с фр. Поспехова Д.]. – Киев: Типография Г. Т. Корчак–Новицкого, 1880. – 242 с.
15. Hieroclis Synecdemus / Hieroclis; München. Editor: G. Parthey, 1893. – 210 p. Хочется выразить благодарность студенту 4–го курса исторического факультета ОНУ им И. И. Мечникова Олегу Яцуку за то, что он обратил наше внимание на этот источник.

References

1. Antiochenum concilium // Sacrosanta consilia – studio Philip Labbei et Gabr. Cossartii, MDCLXXI. – Т.4. – P.727–750.
2. Bogolyubeznejshim i svyatyam otcam archiepiskopam: Lvu, Anatoliyu, Maksimu i vsemu prochemu svyatomu soboru proshenie i molenie ot episkopa Saviniana // Deyaniya vselenskix soborov [per. s dr. gr. Kazanskoj Duxovnoj Akademii]. – Kazan: Centralnaya tipografiya, 1908. – Т.4. – С.121–122.
3. Bauer F. X. Proklos von konstantinopel; ein beitrag zur kirchen- und dogmengeschichte des 5. Jahrhunderts / F. X. Bauer. – Munich.: J. J. Lentnerschen buchhandlung, 1919 – 124 p. – 112, p. 104.
4. Bolotov V. V. Llekci po istorii drevnej cerkvi. – Rezhim dostupa: http://azbyka.ru/otechnik/vasilij_bolotov/lektcii-po-istorii-drevnej-tserkvi/28_3_1
5. Constan Nicholas. Proclus of Constantinople and the cult of the virgin in late antiquity homilies 1–5, texts and translation / Constan N. – Cambridge: Brill, 2003. – 250 p.
6. Επιστολή Π Αντιγραφον συνοδικου γραμματος Προκλος Δομνω επισκοπος της Αντιοχειας // Magna Patrologiae cursus completus, seriae Graeca. – Excudebatur et venit apud J.–P. Migne, editorem, in via dicta seu Petit – montrouge, nunc vero intra moenia Parisina. 1864. – Т.65. – P.881–884.
7. Mejenendorf I. Edinstvo imperii i razdeleniya christian / Ioann Mejenendorf. – Rezhim dostupa: http://azbyka.ru/otechnik/ioann_mejenendorf/edinstvo-imperii-i-razdelenija-hristian/2_1
8. Levchenko M. V. Cerkovnye imushhestva V–VI vv. v Vostochnoj Rimskoj imperii / M. V. Levchenko // Vizantijskij Vremennik. – 1949. – Т.2 (27). – С.11–60.

9. Sobor antioxijskij // Deyaniya vselenskix soborov [per. s dr. gr. Kazanskoj Duxovnoj Akademii]. – Kazan: Centralnaya tipografiya, 1908. – T.4. – S.124–135.

10. Spisok sobornoj gramoty Kirilla // Akty vselenskix soborov [per. s dr. gr. Kazanskoj Duxovnoj Akademii]. – Kazan: Centralnaya tipografiya, 1908. – T.4. – S.122–123.

11. Pravila svyatogo vselenskogo sobora, Konstantinopolskogo. – Rezhim dostupa: <http://krotov.info/acts/canons/0381cano.html>

12. Razsuzhdenie xalkidonskogo sobora po delu Saviniana i Afanasiya // Deyaniya vselenskix soborov [per. s dr. gr. Kazanskoj Duxovnoj Akademii]. – Kazan: Centralnaya tipografiya, 1908. – T.4. – S.135–137.

13. Sokrat Sxolastik Cerkovnaya istoriya / Sokrat Sxolastik; [per i kom. Krivushina I. V.]. – M.: Rospen, 1996. – 367 s.

14. Teri A. Nestorij i Evtixij / Amadej Tteri [per. s fr. Pospexova D.]. – Kiev: Tipografiya G. T. Korchak–Novickogo, 1880. – 242 s.

15. Hieroclis Synecdemus / Hieroclis; Munchen. Editor: G. Parthey, 1893. – 210 p.

Vodko V. I., master of history (Ukraine, Alexandria),
vladislavvodko@mail.ru

The Letter of Proclus of Constantinople to Domnus II of Antioch as a historical source

In this article was made an attempt to examine the epistolary text of Late Antiquity: the letter of Proclus of Constantinople (434–447) to Domnus II of Antioch as a historical source. In this research were used such historical methods as genetic method and prosopographic analysis. The historical context of the letter was revealed. Also, we analyzed the features of displaying the nature of relations between the center and the eastern part of the empire at that time in this letter. In addition, we explored the nature of personal relationships between heads of major regions of church, the role of socio-political, economic and cultural factors in the disputes between them. The special attention was devoted to the analysis of the case with Athanasius, who was the Bishop of Perra, because a large part of the letter was dedicated to him.

Keywords: Proclus of Constantinople, Domn the II of Antioch, Athanasius of Perra, Kirill of Alexandria, Christianity, Eastern Roman Empire, Ecumenical councils.

Водько В. І., магістр історії (Україна, Олександрія),
vladislavvodko@mail.ru

Лист Прокла Константинопольського до Домна Антиохійського як історичне джерело

Зроблена спроба дослідити епістолярний текст епохи пізньої античності: лист Прокла, патріарха Константинопольського (434–447), до Домна, патріарха Антиохійського, як історичне джерело. У роботі використані історико-генетичний метод, а також метод просопографічного аналізу. Виявлено історичний контекст написання листа, проаналізовано особливості відображення в ньому характеру відносин між центром і східною околицею імперії в досліджуваній період, розглянуто характер особистих відносин між главами найбільших церковних регіонів імперії, роль соціально-політичного, економічного і культурного чинника в суперечках між ними. Особливу увагу приділено аналізу випадку з Афанасієм, єпископом міста Перри, якому присвячена більша частина досліджуваного листа.

Ключові слова: Прокл, патріарх Константинопольський, Домн, патріарх Антиохійський, Афанасій єпископ Перри, Кірил Александрійський, християнство, Східна Римська Імперія, Вселенські собори.

* * *

УДК 271.2(477.7)«17–18»

Кагамлик С. Р.,
кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Київський національний університет ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ), kaagam@i.ua

ДОБРОЧИННА ДІЯЛЬНІСТЬ УКРАЇНСЬКИХ ПРАВОСЛАВНИХ АРХІЄРЕЇВ РАНЬНОМОДЕРНОГО ЧАСУ

Автор на основі узагальнення актуалізованих джерел та нововиявлених архівних документів робить спробу створити загальну картину доброчинної діяльності українських православних архієреїв ранньомодерного часу. Відзначено, що цьому питанню на сьогоднішній день не присвячено окремої праці, хоча окремі його аспекти присутні в дослідженнях біографічного характеру і єпархіальних описах. Зроблено висновок, що доброчинна діяльність православних ієрархів, які служили на теренах як українських, так і російських єпархій, виявлялася в пожертвах на будівництво та устаткування храмів, піклування матеріальним і правовим становищем окремих обителів, постачанні книгами бібліотек монастирів та навчальних закладів тощо. Пріоритетними

напрямами доброчинності українських преосвящених були грошові надання і підтримка інтересів їх Альма-Матері – Київської Академії (у тому числі її окремих вихованців), та найавторитетнішої української обителі – Києво-Печерської лаври, де пройшла чернечу школу третина українських архієреїв.

Ключові слова: доброчинна діяльність, українські православні архієреї, Київська Академія, Києво-Печерська лавра, ранньомодерний час.

Необхідність поєднання істинної віри з милосердними справами була одним із ключових принципів українських православних ієрархів ранньомодерного часу, закладених в теорію й практику їх діяльності. Зокрема, на цьому наголошував Петро Могила в «Требнику», причому виходив не лише з православної традиції, а й із потреби вивести Православну Церкву з глибокої кризи та занепаду, зокрема й із матеріальної скрути.

Доброчинній діяльності українських православних ієрархів ранньомодерного часу на сьогоднішній день не присвячено окремої праці, хоча окремі її аспекти присутні в дослідженнях біографічного характеру та єпархіальних описах. Зважаючи на те, що досліджуване питання має велике виховне значення для сучасної світської та церковної еліти, автор ставить за мету на основі узагальнення актуалізованих джерел та нововиявлених архівних документів створити загальну картину доброчинної діяльності українських православних архієреїв зазначеної доби. Виявлений нами матеріал дозволив, крім традиційних грошових надань «на помин душі» та «на жебраків», визначити такі цілеспрямовані напрями доброчинності, як будівництво й устаткування храмів, пожертви на окремі обителі, передусім на Києво-Печерську лавру, різнобічна підтримка Київської Академії й інших навчальних закладів.

Будівництво й устаткування храмів

Уже для першого митрополита відновленої Київської митрополії Іова Борецького була характерна благочинна діяльність, за що кияни називали його «вторым Іоанном Милостивым» [18, с. 703]. Відомо, зокрема, що своїм тестаментом він заповів Києво-Межигірському монастиреві двір на Подолі, придбаний ним 1616 р. у міщанина Андрія Черкашенина. Ймовірно, саме в ньому працювали друкарі Спиридон Соболев і Тимофій Александрович [18, с. 703].

Петро Могила своїм коштом відновив храм Спасу на Берестові, для розписів якого запросив європейських художників, а також Трьохсвятительську і Михайлівську церкви Видубицького монастиря. Свої пожертви на відбудову Києво-Софійського собору і Десятинної церкви митрополит описав у власноручних записках [4, с. 181–183].

Єпископ Переяславський і Бориспільський Захарія Корнілович улаштував на власні кошти в Переяславській гарнізонній фортеці церкву св. Архистратига Михаїла і монастир при ній. Водночас єпископ Захарія зберіг за собою настоятельство в Києво-Михайлівському Золотоверхому монастирі й жив переважно у приписному до нього Данилівському скітку під Києвом, де збудував дві церкви – імені преподобного Онуфрія і св. Захарії.

Значне храмове будівництво, докладаючи власні кошти, здійснював і Київський митрополит Рафаїл Заборовський. За свідченням його першого біографа, ігумена Якова Воронковського, преосвящений «Свято-Софійській монастирь киевскія кафедры кругом каменною стеною оградил и против каменных архієрейских палат каменную браму выстроил и украсил, и того монастыря в кафедральной св. Софії церкви іконостас резным и